

Охотник на мафию - 3

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Михаил Шелест

18+

Михаил Васильевич Шелест

Охотник на мафию – 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70318489

SelfPub; 2024

Аннотация

Продолжение (третья часть) романа про попаданца из 2023 года в год 1995. Приморский край богат, но богатства расползаются из рук трудящихся со страшной силой. Главный герой продолжает войну с коррумпированными чиновниками и противостоит развалу промышленности.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	7
Глава 3.	23
Глава 4.	32
Глава 5.	43
Глава 6.	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Михаил Шелест

Охотник на мафию – 3

Глава 1.

– Олег Иванович, мы с Николаем Ивановичем договаривались передать «голубые» компании «Супер», – сказал Лебединец.

– Вы имеете ввиду «мои» траулеры?

– Да.

– Зачем? – вроде, как «удивился» Мамаев.

– Мы думали, так будет легче ими управлять. У «Суппера» есть средства на подготовку к путине.

– А у нас? Не вижу в этом смысла. Зачем с кем-то делиться прибылью?

– Какой прибылью? Затраты сжирают всё. Налоги, зарплату надо платить сейчас, а за улов мы деньги получим только по реализации. У нас долги около полумиллиарда, на сколько мне известно. Таких денег у ВБТРФ нет.

– Нет, так будут. У вас всё, ко мне?

Игорь Петрович тяжело поднялся и недобрым взглядом покосился на Мамаева.

– Неправильно начинаете, Олег Иванович.

Мамаев вздохнул.

– Я может быть чего-то не понимаю, Игорь Петрович. Предлагаю вернуться к этому вопросу через две недели. До окончания минтаевой путины ещё есть время. Хорошо?

– Хорошо, – обрадовался Лебединец и вышел из кабинета директора.

Мамаев, после избрания его генеральным директором, нажал на «тревожную» кнопку, носимую им в кармане, и группа быстрого реагирования охранного предприятия «Беркут» заняла все этажи здания № 243 по улице имени Шалвы Надибаидзе. За ними более спокойно в здание вошли сотрудники СОБРа Управления по борьбе с организованной преступностью. В том числе и конференцзал, где проходило годовое акционерное собрание ВБТРФ. Поэтому выскочившая из зала главный бухгалтер вдруг попала в объятия «добрых» молодцев в черных масках-балаклавах. Находящийся рядом милиционер в форме мирно спросил:

– Нина Ивановна Постовалова? Я следователь Стрыков. У меня постановление о проведении у вас обыска.

– Где у меня?! – дерзко выкрикнула главный бухгалтер, надеясь, что её услышат в конференцзале.

И её услышали. И даже увидели. В стеклянные двустворчатые двери Нина Ивановна была хорошо видна, особенно с высоты сцены, на которой стоял стол, накрытый по привычке, красным сукном, а за столом сидели члены совета директоров.

– Что там такое? – спросил Никитенко, увидев милицейскую форму с капитанскими погонами на фоне красного лица Нины Ивановны.

Все оглянулись, а в это время дверь распахнулась и вошёл Юрий Николаевич Старовойтов. У него было сильное желание сказать «по-Жигловски»: «Граждане бандиты!», да ещё добавив хрипотцы в голос, но он вздохнул и «по-Ленински» чуть картавя сказал:

– Прошу прощения у уважаемого собрания, но мы вынуждены провести в вашем учреждении обыски. Прошу всех работников управления ВБТРФ не покидать это помещение.

– Собрание проводить можно? – спросил Добровинский.

– Конечно. Караул вам в этом не препятствует.

Он даже сделал Ленинский жест рукой, показав на двух СОБРовцев с автоматами, стоящими за дверями.

Глава 2.

И теперь Мамаев, тоже прошедший процедуру досмотра, сидел не в кабинете генерального директора, где всё ещё проходил обыск, а в библиотеке, где обыск не планировался.

– Может вам чая или кофе, Олег Иванович, – спросила библиотекарь.

Марина Гавриловна Четвёркина, бывшая инструктор парткома, как всегда выглядевшая очень броско, но не, слишком вызывающе, не знала как себя вести с новым руководителем. Никитенко и его замов она знала многие годы. Сначала она работала на освобождённой должности в комитете комсомола ВБТРФ, потом перешла в профсоюзный комитет, потом в партком. Сейчас партком закрыли, и она снова вернулась в профком, заняв должность старшего библиотекаря. Она проработала в ВБТРФ более двадцати лет и знала здесь всех и вся. И тут пришла новая и совершенно незнакомая ей «метла».

– Марина Гавриловна, а вы давно работаете в ВБТРФ?

– Лет с семнадцати. С семьдесят пятого.

– И на какую должность, такая молоденькая? – удивился Мамаев.

– В тарный цех. Рабочей. Не поступила в институт. Но потом выдвинули секретарём комсомольской цеховой организации. А дальше пошло-поехало. Райком, профком... ВУЗ

оканчивала уже заучно. Начальником профкома была.

Она неуверенно пожала плечами и стыдливо поморщилась.

– Ничем толковым не занималась, а на экономиста выучилась.

– Зря вы так. Профсоюзный комитет – это же было здорово! Путёвки в санатории, пионерские лагеря, детские сады. Очень нужная и полезная работа.

– Да ну, – женщина махнула рукой. – Нужная? И где он сейчас, профсоюз? Одно название...

– Вот и возьмите под себя. Думаю, у нас получится реанимировать его.

Четвёркина округлила глаза.

– Профком? Да у нас вроде есть профсоюзный лидер.

– Это не тот профком, который нам нужен. Нам нужен «тот» профком». Но пока... Марина Гавриловна, вы будете мне нужны в другом качестве.

Мамаев улыбнулся. Женщина посмотрела в синие глаза генерального директора и одновременно с мыслью: «А он по возрасту ведь моложе меня», – ярко-ярко покраснела.

– Вы мне будете нужны в качестве секретаря-референта. Секретарь Никитенко, видимо, сделала выбор не в мою пользу. А своего секретаря у меня нет даже на примете. А вы тут всех и всё знаете. Поможете мне подобрать команду из старых, но надёжных кадров. Только я привык, чтобы мне отдавались полностью.

Марина, глядя в глаза «генеральному» не заметила, как «утонула» в бездонной синеве. Когда она видела голубые глаза у мужчин, она таяла.

– Я готова, – сказала она и покраснела ещё больше. – Это будет высшей точкой... моих устремлений.

– Заодно поможете мне с бюджетом. Вообще-то экономист у меня есть. Может быть вы её знали. Она работала в экономическом отделе. Мамаева Галина...

– Мамаева? Галина? Знала. Это ваша жена? – Марина резко расстроилась.

– Это жена моего брата. Он погиб недавно. Полгода назад. В перестрелке с бандитами.

– Ах да! Точно! Её муж служил в милиции! Я помню. У неё две дочери. Мы ей садик предлагали, но для неё это было далеко, и она обменяла места в нашем садике на... на... на какой-то другой.

– Вот видите, какая вы молодец. И память у вас хорошая. Марина только вчера думала о том, что «контора» загибается и, скорее всего, из неё придётся уходить. Но куда? Кому она нужна с её «экономическим» образованием? Она и библиотекарь-то никакой... Снова в межрейсовую гостиницу? Разруливать оргии и вакханалии, как любил выражаться первый секретарь ВЛКСМ ВБТРФ Андрюша Мальцев. Звал он её к себе в «Молодёжный центр», но ребятаки проворовались так, что второго секретаря теперь ищет милиция и Интерпол. На Украину, говорят, уехал. И тут такой дар с небес...

– Вы, Олег Иванович, не пожалеете, если возьмёте меня к себе. Сын у меня уже взрослый, самостоятельный. Мужа нет. Смогу задерживаться на работе до тех пор, пока нужна.

– Вот и отлично! Тогда, после того, как приготовите мне кофе, готовьте приказ о вашем внутреннем перемещении на должность... референта.

– У нас не такой штатной единицы.

– Вот видите, вы даже штатное расписание знаете.

– Конечно знаю. Место себе искала. Библиотеку закрывать собрались.

– Понятно. Сделайте приказ о внесении изменений в штатное расписание. Должность секретаря генерального директора сократить и уволить предыдущего со всеми положенными ей, в связи с сокращением, компенсациями. Вас принять на должность референта. Действуйте!

Марина «нырнула» в свой закуток», но вдруг вспомнила, что нормального молотого кофе у неё нет. Закончился. Вот, блин! Её пробил озноб. Не поить же генерального директора обычным растворимым корейским? Чёрт! И у девчонок в бухгалтерии идут обыски. Вот незадача! Она буквально заметалась по лестничной площадке, и вдруг почувствовала запах. Она повела носом и поняла, что запах идёт из каморки художников, устроенной на бывшем балконе фойе конференц-зала.

Она быстро простукала каблучками вверх по лестнице и дёрнула дверь.

– О-о-о! Маришка! – встретил её Барабанов, последний доживающий свой век в ВБТРФ художник. Он был одного с Мариной возраста, и так же как и она работал в ВБТРФ очень давно.

– Выручай, Валера, нужен кофе.

– Садись-пей, не жалко! У меня и коньяк есть.

Валера любил побалагурить, пошутить. Он был весёлым парнем и неплохим художником, хоть и пробавлялся всю жизнь рисованием плакатов и стендов наглядной агитации. Но это при СССР, партии и комсомоле. В последние годы он в эту кандейку приходил просто так. Попить кофе. Основной заработок у него образовался в деревоцехе конторы, где он арендовал помещение и изготавливал мебель.

– В другой раз, Валера. Новый генеральный директор у меня в библиотеке. Не дай ударить в грязь лицом.

– Ну ты... Лицо-то береги, – рассмеялся Валера. – А Никиту ловко прокинули! Высший пилотаж! И кто он такой, этот Мамаев?

– Не знаю пока, Валера. Меня к себе референтом берёт.

– Ёшкин дрын! – удивился Валера. – Вот это тебе фартануло! Тогда, конечно, бери. Может и мне подсобишь когда... Референт, – это не секретарь. Это звучит гордо! Сейчас зайду, поздороваюсь с новым гендиректором!

– Вот ты наглый, Валерка! Сиди тут! Не путай мне карты! Валерка добродушно загоготал.

– Щас тресну! – сказала Марина замахиваясь, и, пока Ба-

рабанов прикрывался от обещанного удара, схватила всю пачку зернового кофе и выбежала.

– Всю-то, зачем забрала?! – крикнули ей в след, но Четвёркина уже стучала каблучками вниз по лестнице.

– Ох, Маришка! – сквозь смех, нарочито грассируя на букве «р», добавили сверху.

Пока пил кофе, Четвёркина рассказала, что У ВБТРФ имелось несколько подразделений: судоремонтный завод «Диомидовский», «тарный цех», «цех орудий лова», «деревообрабатывающий цех», «отдел кадров» в отдельно стоящем здании, многоэтажная гостиница-профилакторий «Меридиан», ремонтные плавучие, но не ходящие по морю, базы «Аскольд» и «Суппорт», пионерский лагерь на Санаторной и трудовой лагерь в совхозе «Синиловский», куда летом сотрудники управления и «плавсостав на бичу» ездили «на картошку» и собирать помидоры. За это совхоз снабжал ВБТРФ той же картошкой и теми же помидорами. Да и участвующие в «битве за урожай» могли затариться овощами значительно ниже магазинной цены, и на служебном грузовике доставить «богатство» домой.

Мамаев историю и структуру ВБТРФ изучил, так как готовился к собранию, предполагая, что его могут проверить на знание объекта, которым ему придётся управлять. Однако попросив Марину Гавриловну рассказать про ВБТРФ, получил от неё подробный рассказ с экскурсом в прошлое.

Обыски закончились за полночь. И закончились тем, что трёх руководителей ВБТРФ «задержали» и доставили в изолятор временного содержания на Партизанском проспекте в народе называемый «тюрьма». Милиция разъехалась, но здание осталось под охраной «Беркута».

Мамаев «помнил», как оно сгорело в девяносто девятом вместе с документацией и учитывал, что не всем понравится его назначение. Однако, теперь, когда милиция вывезла всю документацию ВБТРФ двумя микроавтобусами, гореть в здании было нечему... Кроме самого здания, конечно.

Юрий давно отпустил домой Четвёркину и после отъезда следственной группы, остался в трёхэтажном здании один. Можно было ехать домой, но он не удержался и решил осмотреть кабинет руководителя ВБТРФ.

Поднимаясь от входной двери по широкой лестнице, рассчитанной на одновременный спуск и подъём большого количества народа, Мамаев, слыша повторяющееся эхо своих шагов, вдруг представил этот народ. Тысячи ног несколько десятилетий спускались и поднимались по этой лестнице, следуя по производственной необходимости и личной надобности.

Юрий хмыкнул.

– Осталось только приведения встретить, – подумал он.

Полутёмные коридоры с «высокими потолками» действительно напоминали казематы старой крепости, а горевшие на стенах электрические «бра» – факела.

– Вот тебе и личный замок, – усмехнулся Мамаев. – Хоть и не в собственности, а во временном пользовании, но имущество ценное и полезное.

Он оглядел кабинет руководителя ВБТРФ и отметил его «скромность». Столы, стулья, кресла и стены не отличались новизной. Похоже, что время в кабинете остановилось. И, возможно, потому что хозяин кабинета не видел себя в нём в перспективе. Мамаев себя в нём видел. И «видел» не в «кавычках», а реально. Его будущее, после назначения его на должность генерального директора ВБТРФ, снова изменилось. Юрий ещё в конференц-зале вдруг стал «помнить» себя в этом кабинете. А раньше ни «бум-бум», как говорил Жванецкий.

Мамаев сел в кресло Никитенко и «вспомнив», сколько баталий ему предстоит выдержать, сидя в этом кресле, подумал, а надо ли ему это? Ну, ладно Никитенко и другие руководители. Они отдали этому предприятию многие годы. Многие работали в море. Но он, Мамаев, ведь здесь, да и вообще для моря, человек посторонний. Случайный... Зачем ему тратить свои деньги на это предприятие?

Сидел бы в лесу, разводил оленей... Зверушек... Занимался бы изучением своего тела, разума и духа. Мамаеву в последнее время это почему-то стало интересно. Интересно-то интересно, но времени на «медитацию» катастрофически не хватало. А сейчас? Больше его, точно, не станет. Мамаев отмахнулся от «пораженческих» мыслей и снова за-

думался о перспективе.

Юрий понимал, что только комплекс всех трёх производственных направлений позволит ему выжить, а возможно и развиваться. Песца и норку надо кормить рыбой, а это рыбный нестандарт, попавший в сети добывающего флота. Комбикорм для оленей, и домашних животных – это рыбная мука, а значит рыбомучные базы. Запчасти и ремонт за границей, это валюта, а значит – шкурки норки и соболя, краб и филе минтая на экспорт. Круг, как говорится, замкнулся.

Раньше министерство экономики СССР балансировало доходную и расходную части бюджета. Планировало развитие и финансирование отраслей народного хозяйства. Теперь этим приходилось заниматься каждому предприятию самостоятельно.

И для управления всем этим хозяйством в управлении базы флота имелось главное, это то, чего так не хватало Мамаеву, – коллектив заинтересованных в существовании предприятия сотрудников. Не тех, кто замыслил уничтожить и обокрасть предприятие, а руководители среднего и низшего звена. А ещё в управлении имелась связь: и радио, и спутниковая, и «простая» проводная междугородняя и международная. Ещё в начале восьмидесятых годов на все плавбазы установили антенны и оборудование для факсимильной и телефонной передачи информации через спутники. Теперь он прямо из «своего» кабинета мог связаться не только с Москвой или Лондоном, но и с Симуширом, и судами фло-

та ВБТРФ, находящимися рядом с плавбазами. А из «радиорубки» по обычной радиии и со «своими» кораблями, разбросанными по всему миру.

После того, как Мамаев получил документы от Симонова, оказалось, что остальные пятьдесят рыбодобывающих судов, находящихся в собственности «Далькомфлота», были распределены по рыбодобывающим организациям западной части страны. Сейчас они находились в управлении таких же, как ВБТРФ, организаций. Пять транспортов-рефрижераторов каким-то образом оказались у греческого судовладельца Ласкаридиса.

Из справок, подготовленных ему коллегами из ГРУ, Мамаев знал, что устаревший флот «коренных» рыбопромышленников Дальнего Востока не справляется с выделенными ему квотами на вылов рыбных и иных ресурсов. А раз не справляется, значит квоты можно отдать новым игрокам, появляющимся на «поле», благодаря иностранным инвесторам, подобных японским «партнёрам» Мамаева.

Сейчас у ВБТРФа должны появиться излишки добывающего флота. Юрий, планируя захват судов «Далькомфлота», не рассчитывал на все семьдесят единиц. Он и не знал, есть ли они по факту, или существуют только на бумаге. В той истории, что он знал, пятьдесят пять судов просто «испарились в воздухе». Сейчас оказалось, что они существуют фактически, и юридически принадлежат ему.

Мамаеву вполне хватило бы и пятнадцати супертраулеров, которые могли не только ловить рыбу, но и перерабатывать, и хранить готовую продукцию в морозильных трюмах. Пятьдесят траулеров Мамаеву было много. Но, не отдавать же их назад Симонову, как «Кемь» шведам, коли взяли.

* * *

Но пока на минтаевой путине работало пятнадцать супертраулеров, принадлежащий фирме «Далькомфлот»: одиннадцать в оперативном управлении ВБТРФ и четыре под управлением ДМП, то есть – АО «Дальморепродукт». Остальные пятьдесят добытчиков и пять транспортов ещё надо было отнять.

Юристы ВБТРФ, откомандированные Мамаевым, мотались по всему «земному шару», арестовывая, изымая и организовывая перегон судов на Тихий океан. Это продолжалось несколько лет. И Мамаев знал это. Но не будем забегать вперёд.

* * *

Уже на следующий день Мамаев собрал руководителей на совещание. Осмотрев присутствующих, Мамаев прервал паузу, возникшую в результате опоздания начальника отдела кадров.

– Я хотел бы рассказать вам, как я вижу наше с вами сотрудничество. И в плане личных коммуникаций, и в плане коммуникаций структур «Мэрин и фишери» со структурами ВБТРФ. После этого каждый из вас будет вправе сделать

собственный вывод о правильности выбранного мной пути и выбор, следовать ли этим путём. Сокращать или увольнять вас без вашего согласия я не намерен.

– А секретаршу уже уволили, – буркнула начальник отдела кадров.

– Не уволил, а сократил. Она ещё вчера сделала свой выбор.

Мамаев помолчал и глубоко вздохнул.

– Тут вчера господин Лебединец мне доказывал, что ВБТРФ не может управлять своим флотом, потому что обременён налогами и иными ежемесячными платежами, и поэтому некоторые суда и желательно лучшие нужно отдать в управление ОАО «Супер», а то и продать. Но думаю, вы прекрасно знаете, почему господин Лебединец ратует за ОАО «Супер». Потому, что имеет в этом личную заинтересованность. Мы также знаем и тех, кто стоит за ООО «Шельф», за ООО «ЦОЛ»², за ОАО «ДСРЗ»³. Вами созданы юридические структуры, вроде как для «спасения» вашего огромного предприятия, но на самом деле имеющие цель разорвать его на отдельные самостоятельные компании, а Николай Иванович при получении «диктаторских» полномочий был готов раздать этим структурам имущество. То есть, как я понимаю, руководство ВБТРФ для спасения организации пошло по пути умышленного банкротства.

Мамаев всё время перескакивал взглядом с одного присутствующего на другого. Реакция на его слова была разной,

но почти все руководители смотрели на него нисколько не смущаясь его обвинений и даже несколько снисходительно. Мамаев понимал, что перед ним сидели «зубры», «монстры» партийных и иных интриг, правда ещё не до конца осознавшие своё падение. Или, скорее, не верящие в него.

– Ну, что же... Это был неплохой выход из создавшегося положения. Однако есть другой... Я готов вложить не только свои идеи, но и свои деньги.

– А зачем вам это надо? – тихо спросил Гаврилов. – У нас всё в полном порядке. Пять миллиардов товарной продукции в девяносто пятом году наработано. Спасали бы Дальморепродукт...

– Если бы мне представилась возможность спасти Дальморепродукт, я бы занялся им. Но сложилось то, что сложилось.

– Мы, поверьте, тоже хотели спасти ВБТРФ. Но... Как говорилось в одном американском вестерне: «Боливар не вынесет двоих», – это высказался директор «Цеха орудий лова» Семашко.

– Думаете, нам во взаимоотношениях стоит уподобляться героям вестернов? Я так не думаю. Американцы, это не те люди, которые могут научить нас морали.

– А вы не знаете, что-нибудь о результатах обыска? – спросила начальник отдела кадров.

– Кроме того, что трое ваших руководителей задержаны, нет, – соврал Мамаев.

– И всё-таки... Вы не сказали нам, как вы видите наши с вами... э-э-э... незнакомое слово в данном контексте... «коммуникации», – напомнил начальник отдела АСУ.

– Да, верно. Отойдём от морали и вернёмся к реалиям, – кивнул головой Мамаев.

– Да, вы поэт, – хмыкнул Гаврилов.

– Нет! Я далёк от литературы. Мне больше по натуре копать в древнем мусоре и склеивать черепки разбитой кем-то посуды. По своей первой специальности я – археолог. Так вот... В «Мэрин и фишери» собрался довольно большой флот. И рыбодобывающий, и транспортный.

– Извините, Олег Иванович... Сколько единиц? – спросил начальник службы мореплавания. – Я для того, чтобы понимать, чем придётся управлять...

– Всего девяносто две единицы. Это вместе с бывшими военными. Около полутора миллионов тысяч тонн дедвейта.

– Неплохо так, – одобрительно покивал Семашко. – И все суда новые?

– Часть – такие же, как и «голубые». Часть – не очень, но вполне себе «рабочие». Так вот весь мой флот, и не только флот, но и береговые предприятия, будут работать на ВБТРФ. Даже танкерные перевозки оформим, как фрахт. Сейчас, чтобы рассчитаться по налогам, нам надо наполнить базу флота деньгами. Можно, конечно и кредитными средствами закрыть налоги, но отдавать будет нечем, чем вы сейчас и занимались, как я понимаю... Одновременно, предлагаю

гаю большую часть работников перевести в мои структуры. Их, на самом деле несколько. Есть и зарубежные. Например, гонконгская крюинговая компания. Туда оформим моряков и рыбообработчиков. ВБТРФу нужно минимизировать фонд заработной платы и налоговое бремя. Пусть «зэпэ» платит иностранная компания. Они платят подоходный налог в размере двух процентов. Для тех работников, кто захочет платить пенсионные накопления, можно открыть здесь в России счета частных предпринимателей. Не так это и сложно. Надо просто объяснять людям их выгоду, и самим понимать её.

– Сложно это всё, – покрутил головой Добровинский. – Как просто было раньше...

– «Как раньше» уже не будет. Надо это понимать. Будет, как есть, но это «как есть» может быть разным. У меня есть судно-док «Анадырь», вчера про него говорил господин Добровинский. Но, как док его использовать будет слишком расточительно. Не так много доковых работ возникает в путине, а мелкие ремонты мы сможем провести с помощью военных плавучих ремонтных баз, коих у меня две. Одна будет дежурить в районе промысла. Считаю, что «Анадырь» надо перестроить под транспортировку готовой продукции. Сначала я его хотел перекраивать под плавзавод, но сейчас, с моим назначением на должность, угроза утраты рыбомучных плавбаз отошла за горизонт. А вот проблема вывоза готовой, особенно мороженой продукции осталась. Для разработки проекта реконструкции «Анадыря» задействуем наше собствен-

ное конструкторское бюро. Примерно вот такие планы коммуникации. Вопросы есть?

– Есть вопросы...

Глава 3.

– Так и стоит? – спросил Анатолий Борисович. – Почему не увезли? В ГАИ сообщили?

– Сообщили. Хозяина нашли. Говорит, что сломался, когда по грибы ездили. На угрозу гаишников отвезти его на «штрафстоянку», только обрадовался. Сказал: «Ну и слава богу, хоть не разберут». Ему сказали про штраф, а он, что штраф выписывать не за что. Машина стоит в специальном кармане на положенном законном расстоянии от автодороги.

– Положено ему! – поморщился Анатолий Борисович. – Какие грибы? Январь месяц!

– Ему тоже об этом сказали, но он сказал: «когда хочу, тогда и собираю». А грибы – чага называются.

Москвич двадцать один – сорок одиноко стоял на обочине трассы пятые сутки. Его уже вскрывали и осматривали. Развалюха...

Всё-таки стороной проезжай. Мало ли, что заложить могут. Сами загрузите на трейлер и увезите!

Это уже третий раз за этот год. Он словно издевается, паразит.

Сожгите её на хрен!

Засветились мы уже. Надо было сразу жечь. А мы отвезли к себе на базу. Чуть менты самоуправство не пришили...

Вот и делай людям добро! – скривился Анатолий Борисович.

вич. – Всё равно сожгите. Точно, это не спроста. Установили его связи? Кто он? Оппозиционер?

Военный бывший. На пенсии.

Значит – точно оппозиционер. Где служил?

На Тихоокеанском флоте. Секретарь парткома ТОФ.

Серьёзная шишка. Идейный, значит? Сколько ему лет? Как он с Дальнего Востока попал в Подмоскovie? На ТОФе сейчас полный кавардак.

Пятьдесят пять. У него родственники живут в Тамбове, и он сам там родился. Но всю службу провёл на Дальнем Востоке: Камчатка, Владивосток. Подводник.

Ладно, сами разбирайтесь, но, чтобы этой машины вечером я не видел. Что нового по Коржаковской банде?

Продолжают спаивать Борю. Может до выборов не дожить.

Козлы! Три инфаркта! Ладно, я через Татьяну к Боре пойду. Всё равно выборы надо на себя переключать. Отпугнули они от меня шефа. И Черномырдин ещё, сука! Машину, кстати, давно от жучков «коржаковских» чистили?

Не подпускаем к ней никого.

Чубайс набрал номер на мобильном телефоне, работавшем через американские спутники связи.

– Борис Абрамович, ты ждёшь меня? Жди, подъезжаю. Он не спрашивал меня? Ну, да... Ещё рано.

И Чубайс, и Березовский ещё недавно входили в клан Коржакова – начальника службы безопасности Ельцина.

Однако летом Коржаков, считая обоих преданными ему людьми проговорился, что Ельцина надо менять на Сосковца. Чубайса с поста первого вице-премьера сняли.

Через пять минут два БМВ нырнули в арку здания «Мостбанка» и припарковались. Анатолий Борисович вышел и степенно, с прямой спиной, прошёл в здание через служебный вход.

Кабинет начальника службы безопасности «Мостбанка» Филиппа Бобкова находился на втором этаже пятиэтажного здания, но Анатолий Борисович не любил ходить пешком, и поэтому поднялся на нужный ему этаж на лифте.

Филипп Бобков, закончивший службу в органах госбезопасности в начале 1991 г. в должности первого заместителя председателя КГБ в звании генерала армии, числился консультантом Владимира Гусинского, владельца корпорации "Мост", включавшей подструктуры "Мостбанк", "Медиа-Мост" и другие. В действительности же Бобков был фактическим руководителем службы безопасности корпорации.

Гусинский находился в поле зрения Бобкова уже много лет, поскольку был хорошо известен 5-му управлению еще со времен подготовки Московской олимпиады 1980 г. А Пятым управлением, осуществлявшим тотальный контроль за политической ситуацией в стране и умонастроениями граждан, Филипп Бобков руководил с шестьдесят девятого по восемьдесят третий.

Бобков и Коржаков находились в жесточайшей оппози-

ции с девяносто первого года. Бобков рассчитывал занять пост председателя Комитета государственной безопасности, а Коржаков, после выбора президентом Бориса Ельцина, сделал главой ФСБ Барсукова, такого же выходца из «девятки»⁴, как и он сам.

Коржаков создавал свое мини-КГБ через Службу безопасности президента Ельцина, Бобков отстраивал собственное мини-КГБ через империю старого знакомого Владимира Гусинского. Возглавляемая Бобковым служба безопасности "Моста" состояла преимущественно из бывших подчиненных Бобкова по 5-му управлению КГБ и являлась сильнейшей и самой многочисленной в России. Ее кадровый потенциал значительно превосходил СБП Коржакова.

Служба безопасности "Моста" собирала информацию по широкому кругу вопросов текущей российской жизни – от расклада политических сил наверху государственной власти до составления досье на видных политиков, бизнесменов, банкиров и на различные государственные и коммерческие структуры.

Аналитики Коржакова не шли ни в какое сравнение со своими бывшими коллегами по КГБ, теперь трудившимися в службе безопасности "Моста" не за идею, а за высокую заработную плату, и не в рублях, а в долларах, причем уровень их денежного содержания во много раз превосходил формальное генеральское жалование Коржакова. Умные и опытные добытчики информации и аналитики Бобкова не могли

не видеть шагов Коржакова, направленных на усиление своего влияния и создание им влиятельной группы сторонников. Кроме того, подчиненные Бобкова имели хорошие деловые контакты со своими коллегами, оставшимися на службе в Федеральной службе безопасности России (ФСБ).

Чубайс и Березовский видели в Гусинском серьёзного соперника Ельцину в предвыборной пиар войне и, решив переметнуться, выдали бывшим конкурентам планы Коржакова сделать государственный переворот.

Когда Анатолий Борисович вошёл в приёмную Бобкова, он увидел нервно семенившего короткими ножками по комнате Березовского.

– Здравствуйте, Анатолий Борисович, – поприветствовал референт Чубайса.

– Здравствуйте. Всё по плану?

– Да. У него всегда всё по плану.

Неразговорчивый референт склонился над бумагами.

Анатолий Борисович знал, что Бобков сейчас у Гусинского вместе с Татьяной – дочерью Ельцина, фактически подписывают негласное соглашение о сотрудничестве.

– Борис Абрамович, не находился ещё? – спросил Чубайс Березовского два раза прошедшего мимо.

– Нервничаю.

– Все нервничают. Не мешайте другим нервничать.

Референт посмотрел на Анатолия Борисовича и улыбнулся.

Вскоре в приёмную вошёл её хозяин.

– Заходите, э-э-э... коллеги, – сказал он совершенно серьёзно. Миша, нам с Анатолием кофе, Борису Абрамовичу чай с лимоном и всем без сахара.

– Очень маленькую, – добавил Анатолий.

Все прошли в кабинет Бобкова, копировавший своей мрачностью кабинет председателя «комитета», и расселись за совещательным столом. Бобков не сел за свой стол. Он не любил пить кофе на рабочем месте, объясняя это тем, что «тогда не отдыхает».

– Всё решено, коллеги. Татьяна Борисовна прониклась. Мы ей дали прослушать кое-какие записи. У нас, понимаешь, тоже «жучки» найдутся.

– На любую крученую задницу найдётся хрен с винтом, – сказал Березовский.

Бобков хмыкнул.

– Ну, где-то так... Сейчас наша задача объединить медиа-ресурсы. Рейтинг Бориса Николаевича действительно низкий. Тут Коржаков прав. Он говорит о семи процентов, а мы бы дали пять. Но дело поправимое. Думаю, Коржаков и спасовал, потому что понял, что у него просто нет рычагов. В период существования КГБ "Девятка", на базе которой создавалась служба Коржакова, традиционно держалась обособленно. В основном ее подразделения располагались на территории Кремля, так как именно там находились охраняемые люди и объекты. Сотрудники и руководящий

состав "Девятки" редко контактировали с представителями других оперативных подразделений центрального аппарата КГБ. Соответственно, у "Девятки" не было агентуры в средствах массовой информации, в том числе на телевидении, среди видных политиков и в академической среде. А у нас есть.

Бобков снова хмыкнул.

Когда будущий сотрудник Гусинского Бобков стал первым заместителем председателя КГБ, его предыдущая должность – зам. председателя КГБ и куратора 5-го управления КГБ – оказалась вакантной. Новым начальником 5-го управления был назначен генерал-майор Евгений Федорович Иванов (который после упразднения КГБ возглавил аналитическое подразделение "Моста" Гусинского). Кроме официальных сотрудников КГБ, курировавших советское телевидение, в различных его структурах работало немало представителей негласного аппарата госбезопасности – резиденты и агенты, завербованные из числа работников телевидения или внедренные в его структуры офицеры госбезопасности, вышедшие в отставку. По терминологии КГБ-ФСБ эти люди назывались "офицеры действующего резерва". Активно использовались также вышедшие на пенсию сотрудники спецслужб.

Офицеры госбезопасности, зачисленные в действующий резерв, оставались в составе своего подразделения, но при этом направлялись в гражданское учреждение на работу. На

указанной должности они выполняли официальные функции, т. е. работали на новой работе, но при этом основной их задачей было осуществление деятельности в интересах органов госбезопасности. Формально ушедший в отставку офицер ФСБ, на самом деле переводимый из КГБ-ФСБ на гражданскую работу, оставался на этой работе негласным сотрудником КГБ-ФСБ, агентом государственной безопасности.

Это было поистине революционное нововведение, готовившее тылы на случай непредвиденного развития событий в стране. Именно тогда появилось понимание, что бывших сотрудников спецслужб не бывает. Они, действительно, не становились бывшими. Они были офицерами действующего резерва КГБ-ФСБ – шпионами КГБ-ФСБ на гражданском или военном объекте. Помогал введению новых должностей в гражданских ведомствах ставленник Бобкова Е. Ф. Иванов.

Сам он стал офицером действующего резерва КГБ в ЦК партии и был направлен в отдел административных органов, курирующий всю правоохранительную систему Советского Союза: прокуратуру, Верховный суд, КГБ и Министерство внутренних дел. Там он проработал около двух лет и уже в чине генерал-майора вернулся на должность заместителя 2-го Главного управления КГБ. Иванов курировал кадры этого главного в системе КГБ контрразведывательного подразделения. Вскоре он стал начальником 5-го управления КГБ СССР и генерал-лейтенантом.

После распада КГБ аппарат действующего резерва «под-

хватил» Филипп Бобков и теперь имел в своей службе агентов влияния практически во всех государственных и коммерческих структурах России.

На выборах Председателя Государственной Думы, прошедших семнадцатого января девяносто шестого года «прольцинская» партия «Наш дом Россия»⁵, поддерживающая кандидата Ивана Петровича Рыбкина, «благодаря» Гусинскому потерпела сокрушительное поражение. В провале выборов Черномырдин обвинил Чубайса и тот, попав в немилость Ельцину, вынужден был написать заявление об отставке с поста первого вице-преьера правительства России.

– Татьяна Борисовна поговорит сегодня же с Борисом Николаевичем. Обещала создать ещё один штаб по выборам Бориса Ельцина в президенты. Пусть Сосковец с Коржаковым пока остаются в неведении. Уговаривают Бориса Николаевича ввести режим чрезвычайного положения по причине войны в Чечне и отменить проведение выборов, представляете?

Глава 4.

Мамаев не знал точно, что сейчас происходит в Москве после провала Ельцинской партии на выборах председателя Государственной думы, но знания будущего ему подсказывали, что вроде как поверженный семи нелюбимый Чубайс, снова скоро «всплывёт» сначала в Ельцинском штабе, а после его победы, в правительстве.

Дочь Ельцина Татьяна Дьяченко впоследствии вспоминала: «Когда в начале 1996-го для всех стало очевидным, что предвыборный штаб, который возглавлял вице-премьер правительства Олег Сосковец, проваливает свою работу, Анатолий Чубайс убедил папу в необходимости создания нового, неформального штаба, который назвали «Аналитической группой».

19 марта 1996 года Чубайс возглавит «Аналитическую группу» в составе предвыборного штаба Ельцина, фактически взяв на себя руководство избирательной кампанией президента. Благодаря деятельности Аналитической группы рейтинг Ельцина начнёт расти. Так, по данным ВЦИОМ, 13 марта 1996 года за Ельцина будут готовы проголосовать 15 % собиравшихся принять участие в голосовании, за Зюганова – 25 %, 31 марта – соответственно 18 % и 25 %, 28 апреля – 21 % и 27 %, 5 мая – 28 % и 27 %, 26 мая – 33 % и 26 %, 12 июня – 36 % и 24 %. В первом туре выборов, которые

состоятся 16 июня, Ельцин получит 35,28 % голосов, Зюганов – 32,03 %.

Зная всё это, Мамаев думал, стоит ему доводить задуманное им ранее покушение на Чубайса до логического завершения, или нет. Он ещё летом, когда долгими перелётами возвращался из Австралии, вроде как всё продумал идеально. Хотя, он знал, идеальных преступлений не бывает.

Юрий запланировал «мероприятия» на март, когда Чубайса официально назначат главой Ельцинской «Аналитической группы». Не мероприятие, а мероприятия. Мамаев планировал не только взорвать Анатолия Борисовича, но и застрелить самого Ельцина.

Дело в том, что «вспышки воспоминаний о будущем» предоставляемые Субботиным-старшим ранее, сейчас полностью прекратились. После выбора Юрием жизненного пути в ином образе, сходном с образом Олега, у него, как уже говорилось, появились иные воспоминания. Причём сам Олег в них тоже существовал, но в качестве другого человека.

Поразмыслив и проанализировав свою память, Мамаев понял, что эта память только его и ничья больше. Он очень хорошо помнил и службу в ГРУ, и службу в милицейском СОБРе, и его перемещение в тело Сергея Субботина, и физическое «превращение» в Мамаева. Память о будущем была ясная, чёткая и понятная. «Олег Мамаев» в будущем очень много читал интернет статей, пытаясь разобраться в ходе со-

бытий перестройки Российской экономики, политики и промышленности. И поэтому он знал намного больше Субботина-старшего, погрязшего в своём бизнесе и в его безопасности.

Сейчас Субботинского бизнеса в будущем не существовало. Да и сущность Субботина-старшего тоже постепенно растаяла. И Мамаев уже не опасался попасть под её влияние. А всё медитации, которыми он был вынужден заниматься во время многодневных морских переходов из порта в порт.

Ещё он заметил, что медитируя перед зеркалом, он может «править» своё лицо.

Как-то концентрируясь на лобной чакре Аджна, расположенной над переносицей и управляющей, как понял Юрий, всеми физиологическими процессами, которые проходят внутри тела человека, Мамаев понял, что ему открылись события сегодняшнего и завтрашнего дня. Дальнейшие эксперименты с этой чакрой точно также открывали грядущее но на сутки-двое вперёд. Тогда Мамаев попробовал сконцентрировать своё внимание на этой точке с помощью зеркала – он знал, что так делают – и ему открылись будущие события на целых пять дней вперёд. Потом он часто во время бритья пользовался зеркалом не только по прямому назначению, но и как «справочной» о грядущих событиях.

Однажды Мамаев отвлёкся от созерцания будущего, увидев назревающий прыщ. Вообще-то они у него сходили довольно быстро, в течение нескольких часов, но Мамаев

встречался с Галиной и детьми, и выглядеть с красной блямбой на носу ему не хотелось. Юрий «напрягся», и розовеющая блямба» на носу исчезла, а заодно исчезла и небольшая горбинка, доставшаяся, кстати, ему от Субботина.

Мамаев тогда не стал экспериментировать дальше. А вот вечером он продолжил и был сильно-сильно поражён своими способностями и открывающимися возможностями.

Вернувшись вечером, а он периодически вспоминал о своих вновь открывшихся способностях весь день, Юрий сел перед зеркалом и начал колдовать.

Он попытался вернуть на свой нос субботинскую горбинку и у него, хоть и не сразу, это получилось. Получилось и снова убрать её. Мамаев, поняв, что «всё можно вернуть взад», продолжил метаморфозы с лицом, оставаясь в своих потугах в «рамках» тела Субботина. То есть, он снова придавал частям лица схожесть с первозданным оригиналом, на сколько он его помнил, потом возвращал лицу Мамаевское выражение. Однако вскоре Мамаев понял, что «ловится» на ту же свою ошибку «зеркальности».

Второго зеркала у него не было, чтобы перевернуть своё изображение, и Юрий попытался мысленно переставить образ с права на лево, но у него не получилось. После этого, эксперименты с «метаморфозами» лица Мамаев прекратил...

Размышляя над тем, убить Чубайса, или нет, Мамаев понял, что надо снова лететь в Москву и говорить с теми, ко-

го он привлёк к мероприятиям. Говорить и переубеждать. Не откладывая дело в «долгий ящик», Мамаев отправился к Галине, которая работала главным экономистом в бухгалтерии, одновременно исполняя обязанности главного бухгалтера Базы Флота. Предыдущий главбух, находясь под следствием, пока так и не вышла из изолятора временного содержания.

Отношения у Юрия с Галиной были дружеские, но «теплыми» изо дня в день. Сам Мамаев мужскую инициативу не проявлял, сдерживая свои чувства, и давая Галине привыкнуть хотя бы к его постоянному присутствию. Ночевать он у неё не оставался, хотя, когда он засиживался с дочерьми, читая им на ночь сказки, Галина предлагала постелить ему в зале на диване.

Однако Юрий, видя в глазах Галины стеклянный блеск слёз, дольше момента засыпания дочерей не оставался. Не дай бог надумает ещё что ночью с горя, а отказать он ей не сможет, потом утром стыдно будет в глаза смотреть.

– Здравствуйте, коллеги, – поздоровался Мамаев с сотрудниками, – Галина Николаевна, мы с вами послезавтра вылетаем в Москву по делам фирмы. Организуйте пожалуйста покупку билетов и бронирование гостиницы. Вот её реквизиты, телефон.

– Да, как же, Олег Иванович? Мне детей не на кого оставить. Да и если бы было, не брошу я их.

– Да? Ну, ладно. Выкупайте два детских за мой счёт.

Мамаев открыл портмоне и, достав деньги, выдал Галине примерную сумму.

– Должно хватить. Я созванивался.

– Но, как же дети? Они будут мешать!

– К тем, кому мешают дети, мы не пойдём, – улыбнулся

Мамаев. – Оформляйте командировку сроком на три дня.

– Куда?

– Комитет по рыболовству. Цель – согласование государственного субсидирования на тысячу девятьсот девяносто шестой год.

– Нам деньги выделяют? – удивилась Галина.

– Обещают. Покажем им наши планы, глядишь и выдадут.

– Ага! Выдадут, догонят и снова выдадут! – сказала заместитель главбуха. – Там в последнее время только берут. Вы, кстати, будете с собой брать?

– Что? – не понял Мамаев.

– Ну, как, что? Деньги!

Мамаев усмехнулся.

– Никитенко, думаете, за что взяли? Ну, в смысле не за что, – он показал, как хватает кого-то за причинное место, – а за какой грех?

– За что?

– За взятки в особо крупных размерах. У вас же «гросбух» изъяли, где вы учет «рыбе и крабам» вели? Изъяли, дешифровали ваш нехитрый код и предъявили Николаю Ивановичу обвинение в хищении в особо крупных размерах в соста-

ве организованной преступной группы и даче взяток должностным лицам. Хотя взятка иной быть и не может. Вы тоже, Нина Григорьевна, хотите войти в состав ОПГ?

Зам главбуха замерла на своём кресле словно олениха под светом луча браконьерской фары, и побледнела.

– Не волнуйтесь, Нина Григорьевна, если вас ещё не взяли, то к вам претензий нет. Вы – человек подневольный. Что приказали, то и выполнили. От меня таких приказаний пока не предвидится.

– Пока? – усмехнулась Галина.

– Пока, – вздохнул Мамаев. – Жизнь сложна и удивительна...

* * *

Москва встретила Мамаевых кашей из снега и солевого раствора. Зимняя слякоть на Московских тротуарах и дорогах всегда раздражала Юрия. Москва вообще ему не нравилась ни зимой, ни летом, ни осенью. Короткие периоды весны, когда ещё нет майской жары, немного радовали, а осенью сразу становилось холодно. Не то что во Владивостоке, где летние туманы и дожди с лихвой компенсировались теплыню вплоть до середины октября.

Ещё в самолёте Юрий объяснил Галине, что командировка у них вымышленная. Что взял он Галину в Москву, потому что у него дела в столице есть, но всего на один день, а погулять по Москве хочется. Одному гулять ему скучно и не интересно, так как пробовал неоднократно. Красотой и хо-

рошими впечатлениями надо с кем-то делиться, а делиться хорошим ему больше не с кем, кроме Галины и девочек.

Галина некоторое время с удивлением разглядывала Мамаева, а потом положила свою правую ладонь ему на запястье, пожалала и просто сказала: «Спасибо».

В гостинице на Тверской, куда они приехали около тринадцати часов, они сразу пошли в ресторан, заказали себе обед и мирно сидели, когда к их столику подошёл седовласый короткостриженный пожилой мужчина в военной форме полковника с эмблемами артиллерийских войск.

– Извините, – обратился он к Юрию, – не вы Олег Мамаев? Мне описал вас Сергей Субботин и сказал, что можно подойти прямо здесь, в ресторане. А вы, я смотрю, обедаете семьёй.

– Присоединяйтесь в нам обедать. Я специально шестиместный стол заказал. Заодно поговорим. Сергей должен приехать завтра.

– Думаете, будет удобно? – полковник посмотрел на Галину с детьми.

– Вы не помешаете, – сказала Галина. – Ии если зесь за столом решатся все мужские дела, у нас останется больше времени на прогулку.

– Я, кстати, принёс вам билеты на «Щелкунчика», как и просил Сергей Григорьевич.

– В «Большой», – с удивлением и восторгом спросила Галина, прижав руки к груди.

– Конечно.

Полковник достал билеты из портфеля, и протянул Мамаеву, а тот, передав их Галине, рукой показал на рядом стоящий стул.

– Присаживайтесь.

– Я тогда просто кофе, – сказал полковник и тут же заказал желаемое подошедшему официанту.

– Пока не принесли заказ, я попытаюсь изложить то, что передал Сергей. Он сказал, что получил информацию, которая кардинально повлияла на его мнение по обсуждаемому вами с ним в августе вопросу. Кардинально противоположно. Он сказал, что та кандидатура, которую планировали вывести из совета директоров, лучше бы осталась. Этот человек введёт с совет очень полезного специалиста. Такого, который полностью поменяет курс предприятия.

Полковник поморщился.

– Почему он послал вас, если сам приедет?

– Дело, говорит, срочное. Процесс запущен. Лучше сказать два раза, чем ни одного. Всё в жизни бывает, а дело, сказал очень серьёзное, историческое и переломное.

– Переломное, говорите? – спросил полковник, допивая кофе. – Ну, переломное, так переломное. Не буду вам мешать. Всего хорошего... Сергей сообщил, что вы в Москве справитесь сами. Или вам всё-таки нужна помощь?

– Вы нам и так уже помогли с билетами. Большое вам спасибо. А мы далеко от центра не пойдём.

– Ну да, ну да... До свидания!

– До свидания!

Обед у Мамаевых прошел весело, а после обеда была прогулка до «Могилы Неизвестному Солдату», по «Красной Площади», и к Большому Театру.

Мамаев садил на плечи то одну дочь, то другую, давая отдохнуть их ногам, но всё равно, вернувшись в гостиницу, дети сразу заснули. Тем более, что по Владивостокскому поясу, время уже перевалило за полночь.

Накормив и усыпив детей, Юрий с Галиной решили воспользоваться «минибаром», раскупорили бутылку «Тамянки», разломали шоколад. Они позволили себе расслабиться, ибо день прошёл, весело, насыщено и очень продуктивно.

– Завтра, как я понимаю, у нас «Щелкунчик»? – спросила Галина.

– Завтра с утра у меня встреча, а в пятнадцать часов у нас «Щелкунчик». Надо будет обязательно в обед уложить детей. Хотя бы на часок.

– Ну, так тебе и дети в руки, – пьяненько улыбнулась Галина. – У тебя это ловко получается. Усыплять. Усыпишь меня сегодня?

Галина спрятала глаза. Возникла та ситуация, которую знают мужчина и женщина. Начался флирт. И начат был флирт Галиной. Мамаев улыбнулся и мысленно погрузившись в чакру Аджна, увидел то, к чему стремился всё это время, мечтал всё это время... Их с Галиной близость. Бли-

зость, не заканчивающуюся неловкостью и позором. Он увидел близость, предвещающую долгие отношения.

Юрий заглянул Галине в глаза и, как в зеркале, увидел своё и её счастье. Долгое счастье.

– Конечно усыплю, – нежно сказал он. – Пошли на кровать, я тебя раздену.

– А они не проснутся? – испугано спросила Галина, глядя на мирно спящих в одной кровати дочерей.

Нет, – покрутил головой Юрий и взял жену за руку. – Пошли.

Глава 5.

– Понимаете, товарищи офицеры, какая штука... Вы помните, что, когда мы с вами общались и планировали наши действия, я говорил о неких вспышках сознания. То есть, проявление у меня не линейной информационно-событийной матрицы, а дискретной. Сейчас у меня всё выстроилось не только в хронологическом порядке, но и наличествует анализ событий. Как я понимаю, это последствие моей, в будущем, глобальной аналитической работы с имеющейся в различных источниках информации. Как я уже говорил, буквально в ближайшем будущем возникнет глобальная информационная сеть. Она есть уже сейчас, но из-за отсутствия поисковых программ и низкой скорости передачи данных, пользоваться ею затруднительно, особенно с большими информативными объемами.

Мамаев, находящийся в образе Субботина, посмотрел на генерала Рохлина, и перевёл взгляд на двух полковников генерального штаба.

– Вы убедились, что мои предсказания итогов прошедших выборов совпали с фактом до последней цифры. Я говорю «предсказания», потому что иначе, иными словами, то, что появляется в моей голове, не назовёшь. Хотя я воспринимаю это, как обычную долговременную память. Да, память о будущем, но что поделать, если у меня устойчивое ощущение,

что я эту жизнь уже однажды проживал. Вплоть до две тысячи двадцать третьего года.

– Мы вам верим, Сергей Григорьевич. Ваши... Э-э-э... Предсказания... Э-э-э... Они полностью подтверждаются. И не только по выборам... Поэтому мы очень внимательно слушаем ваши аргументы в защиту, так сказать... Ситуации.

– Я не говорил вам... Сам толком не понимал... Не видел... Но эти люди приведут к власти человека, который приведёт Россию к суверенитету. Сейчас, мы видим, иностранный капитал и даже спецслужбы хозяйничают у нас как у себя дома. И даже хуже... Как на ферме... Считая нас за безмолвный скот. В двухтысячном году Ельцин откажется от власти и исполняющим обязанности станет «он».

– Вы, почему-то не называете имя нового президента, – подозрительно прищурившись сказал Рохлин.

– Опасаюсь, честно говоря. О нём мнения могут быть разные, но для меня важен результат. Россия в двадцать третьем году стала центром притяжения, к которому потянулись страны, которым надоел «однополярный мир». Так называли сложившуюся в мире ситуацию доминирования штатов. Они к тому времени совсем оборзели. И тот факт, что англосаксы и Европа попытались изолировать Россию от остального мира, я считаю, лучшей оценкой деятельности этого президента и его команды.

– Но...

– Извините, товарищ генерал... Могу только сказать, что

он из офицеров КГБ.

– Это понятно! Если подключился Бобков, то кого они ещё могут поставить?

– Всё равно не понимаю. «Эти», Квачков интонационно выделил слово, – не могут поставить не своего, а значит, – «он» из их же мафии.

Рохлин поморщился.

– Вы полковник всё видите через призму жидомасонов. Русский мир, Французский, Германский не может существовать без евреев. В каждом из нас есть хотя бы частица их крови. Масоны – да... Я с вами согласен... Своими щупальцами постоянно прощупывают идеологические пустоты. Но это две большие разницы.

– Это всё одно и то же, – хмыкнул Квачков.

– Даже в масонском мире нет единства, – снова поморщился Рохлин. – И правильно говорит Сергей Григорьевич. Уж лучше свои жида, чем чужие.

– Не факт, не факт.

Квачков покрутил головой. Его лицо было недовольным.

– Я категорически против прекращения мероприятий.

– Голова этому процессу не «он». Он – наблюдатель от МВФ.

– Ну правильно! А значит и ЦРУ! А значить, что ЦРУ заинтересовано в этом человеке! И какая в том России выгода?

– ЦРУ в двадцать третьем году кипятком писает, так его не любит. Политики США и других стран в открытую хамят,

не находя уже нормальных слов.

– Ну и что? – спросил Квачков.

– А то, что весь мир видит это хамство и расценивает его, как слабость. Потому, что «он» не позволяет себе этого, несмотря ни на что. Он просто говорит: «Если что, мы вьём так, что никому мало не покажется». И очертил «красные линии», за которые они зашли, правда. Но после этого у них в прессе буквальная истерика с вопросом «когда русские ударят». И вокруг этой истерики они сами себя начали пожирать. Я же говорю, мир разделился.

– Они всегда разделяются, но сговариваются против остального мира.

– Товарищи офицеры, не надо ненужных дискуссий. Тем более, что позиции друг друга по этому вопросу мы знаем. Сейчас надо принять решение по... кхе-кхе... «мероприятию». Значит вы, Сергей Григорьевич, предлагаете «мероприятие» отменить?

– Да.

– Понятно... Кто против отмены? Понятно... Значит – отменяем.

– Жаль, – скривился Квачков. – Сколько сил и средств потрачено... Товарищи будут не довольны. И... Не знаю, как можно взаимодействовать с ними? Ведь там сейчас сплошные мерзавцы: Гусинский, Березовский, Абрамович, Ходорковский. Выводят бюджетные средства, провели залоговые аукционы, где сами себя назначили миллиардерами... Гу-

синский на своём НТВ в открытую поддерживает чеченских бандитов и показывает «зверства федеральных властей».

– Даже уничтожив всех этих, на их место придут другие, – сказал Мамаев. – Имя им – легион. Кто рано встал, того и тапки. Они встали раньше. И сейчас у них и все медийные ресурсы, и структура Бобкова полностью, а это – более тридцати тысяч оперативников высокого класса.

Мамаев помолчал и улыбнувшись, хитро сощурился, глаза, сказал:

– Но их скоро уберут. Как только этот человек придёт к власти, так и уберут. Некоторых с арены, а некоторых и физически, как Березовского, который удерёт в Британию, но от длинных рук Бобкова не спрячется. Гусинский в двухтысячном году перепишет ЗАО «Медиа-Мост» на госпредприятие «Газпром». Остальные миллиардеры тоже не будут «обойдены» вниманием государства. Абрамович будет поднимать Чукотку, другие олигархи – другие регионы.

– Да-а-а... Пока всё регионы Сибири и севера в жопе. А Анадырь такая «дырь», что ни в сказке сказать, ни пером описать, – согласился Рохлин. – Спасибо, Серёжа. Так и не хочешь справочку написать.

Мамаев покрутил головой.

– Ну хоть с нами-то что будет?

– А зачем вам это знать, товарищ генерал-лейтенант? Какой смысл менять будущее? Всё равно вы не отступите от захотите его перехитрить.

– Ну, хоть, когда мы умрём?

Мамаев покрутил головой.

– Я думал об этом. Нет смысла. А вдруг я скажу – завтра, или через три месяца, или через год?

– Завтра и через год разные временные рамки. Что-то можно успеть сделать.

Мамаев хмыкнул.

– Если кто-то живёт с уверенностью в завтрашнем дне, то он или дурак, или бог.

– Тут ты прав, – вздохнул Рохлин. – Держи нас в курсе хотя бы основных событий.

– Так и делаю. Кому как не вам?

– В любом случае, спасибо Серёжа, за информацию, – сказал Квачков. – И за то, что веришь своему бывшему командиру. Доверие в наше время дорого стоит. Предают друг друга направо и на лево.

– Владимир Васильевич, мы с вами в Афгане в одном бою были ранены и добирались до своих на одном вертолёте. И вы, командир отдельной бригады спецназа ГРУ, не улетели один, а дождались, пока доставят всех раненых, хоть вертушки и были под огнём душманов. И мы лежали в вертушке вплотную, жопа к жопе, как сардины в банке. Такое не забывается, товарищ генерал. И доложил я полученную мной развединформацию на ваше, как говорится, решение.

– Ну, да, – вздохнул Квачков. – Единоначалие, мать его.

– Да, какое сейчас у нас, на хрен, единоначалие. Так, в

бирюльки играем. Каждый за себя, мать его. – вспыллил Рохлин. – Сейчас разойдёмся и каждый в свою сторону порулит. Я пойду с этими «Нашдомавцами» срать, Василич со своими националистами теракты планировать. Блятская жизнь! Всё наружу вылезло! Борьба кланов, мать её и конфликт интересов!

Рохлин поднялся из кресла дал каждому пожать его руку и, махнув рукой, вышел.

– Прощевайте!

—

Возвращаясь на метро в гостиницу, Мамаев переживал, правильно ли он сделал, не сказав Рохлину о его печальной судьбе, и о судьбе его жены, обвиненной в убийстве мужа. Действительно убила ли его жена, или Рохлина убили другие, заставившие женщину оговорить себя, Мамаев не знал достоверно. Интернет-источники тоже не знают всей правды. Узнать любому мужику, что его когда-то убьёт родная и любимая жена? Б-р-р-р... Такого не пожелаешь никому. И Мамаев воздержался от «предсказания» только по этим соображениям.

Так же и с Квачковым. То, что он не был причастен к покушению на убийство Чубайса, произошедшего в марте две тысячи пятом году, это наверняка. Скорее всего, Чубайс воспользовался полученной информацией о готовящемся покушении и имитировали его, заложив двести грамм тротила и направив взрыв в другую сторону. Но то, что Квачков мог

планировать покушение, Мамаев не сомневался.

Предостеречь его от ложного обвинения? Так он и после того, как его оправдал суд присяжных продолжал вести себя так, что третий суд Квачкова обвинил в экстремизме, терроризме и разжигании межнациональной вражды. Слишком уж Квачков не любил жидомасонов.

«Присмотревшись» к своему будущему и не «увидев» изменений, Мамаев мысленно махнул рукой, вздохнул, прикрыл глаза и глубже нырнул в шарф, закрывший его лицо до самых бровей. Ему нравилось в поездах метро дремать.

– Большие знания – большие печали, – подумал он, сосредотачиваясь на метаморфозе лица.

* * *

Никто из Мамаевых «Щелкунчика» в «Большом Театре» не видел, а поэтому представление смотрели с восторгом, иногда пугая окружающих соседей. Девочки то пугались, то плакали, то смеялись. Галина то гладила и успокаивала обеих, то тоже смеялась почти во весь голос и радовалась вместе с ними.

Юрий блаженствовал. Он балет не любил, но музыка, под которую топали ногами балеруны, его завораживала. Галина, сначала фыркала, время от времени показывая девочкам на «папу Олега», сидевшего с прикрытыми глазами, но он сказал, что эту музыку он любит слушать с закрытыми глазами, и от него отстали.

А Мамаев сидел, стараясь раскрыть горловую чакру Ви-

шуддха как можно сильнее, и медитировал на перемещении в неё из небного резервуара нектара богов, излечивающего от болезней и дающего человеку жизнь, а возможно и бессмертие. Юрий недавно прочитал об этой чакре и решил попробовать рекомендованные практики. Тем более, что случай представился уникальный. Вишуддха открывалась силой творчества.

В конце концов Мамаев заснул. Правда это приключилось с ним в конце первого акта, и он быстро проснулся, разбуженный аплодисментами. Второй музыкальный акт «Щелкунчика» версии оркестра Театра Натальи Сац Мамаев прослушал без потери над собой контроля.

* * *

Анатолий Борисович возвращался на свою дачу в Переделкино и увидел, что на обочине нет злополучного надоевшего ему «Москвича».

Он улыбнулся.

– Увезли, что ли?

– Нет. Сам уехал. Заводили долго. Глохла эта развалюха, едва тронется.

– Как узнали?

– Обижаете, Анатолий Борисович. Наша дежурка эту трассу пять раз на дню проезжает. Засекли суегу утром. Через час, как вы проехали. Выставили пост. Проследили. Завести не смогли. Через три часа они его за шкворку утащили. Раскорячились на дороге...

– Кто приезжал?

– Дедок и племяш его... На джипе. Который тот раз машину забирал. Всё под капотом ковырялся, а дедок в машине сидел. Холодно сегодня. А она простояла неделю.

– Может ему машину подарить? – задумчиво произнёс Чубайс.

– Лучше мне подарите, Анатолий Борисович.

– Жигули, что ли? – усмехнулся Чубайс. – Давай подарю.

– Не-е-е... На жигулях пусть крестьяне ездят.

– А ты думал, я ему «Мерседес» шестисотый подарю? Ха! Ха! Ха! Наивный Чукотский юноша.

Анатолий Борисович гнусаво рассмеялся. Потом его смех вдруг резко прервался.

– Не подарю я ему ничего. Передохли бы они все поскорее. Эти пердуны совдеповские. Ненавижу!

Глядя вперёд, он вдруг насторожился.

– Что это на стекле? Снег?

– Снежок пошёл.

– Не гони.

– У нас резина зимняя. Новьё! Дорогу держит, аж лёд режет.

– Сказал: «Не гони!», чего не понятно? – угрожающим тоном спросил Анатолий Борисович.

– Понял, шеф!

– И не шеф я тебе. Сколько говорить?

– Извините, Анатолий Борисович, – сказал водитель, мыс-

ленно чертыхнувшись и обозвав «шефа» «рыжим вонючим козлом». Тоже, естественно, мысленно.

Проезжая мимо кармана с эстакадой для большегрузных автомобилей, на котором стоял Вольво ФЛ с задранной кабиной, и открытыми дверям фуры, из которых работяги перегружали товар в другую Вольво, стоявшую к первой задом. Водитель БМВ сбавил ход, пытаясь разглядеть, что грузят.

– Видаки перекидывают, – сказал он. – «Тошиба».

– Эти «Тошиба» в Химках на коленке собирают, – усмехнулся Анатолий Борисович.

И тут сидение под ним дрогнуло, мир несколько раз перевернулся, вспыхнул и погас.

* * *

Капитан первого ранга запаса Толстов делал вид, что спит на заднем сиденье, а на самом деле через открытый лючок резал асфальт электрической дисковой фрезой, подключенной к стоявшему рядом и работавшему джипу «Дженерал Моторс Компани» «племянника». Выбрав десятисантиметровый слой асфальтобетона, капитан первого ранга уложил в углубление десять блогов амонала и тротилую шашку с дистанционным взрывателем. Присыпав четырнадцать килограмм взрывчатки асфальтовой смесью Толстов укрыл её текстолитовой пластиной и утрамбовал. Потом он «застарил» новый участок асфальта, полив специальной кислотной смесью и нанёс на него соответствующий «колер».

* * *

Шедшая первой тяжёлая бронированная машина после взрыва подлетела в воздух и, перевернувшись на левую сторону, упала на дорогу. С противоположной стороны от «аварийного кармана» из кустов вылетел фугасный снаряд РПГ-7, прожёл незащищённую бронёй крышу и взорвался внутри автомобиля вскрыв его, как консервную банку. Одновременно вылетели из соседних кустов ещё два заряда РПГ. Они попали в левый борт второй автомашины БМВ, резко затормозившей перед взрывом. Один заряд «удачно» попал в стойку между боковых дверей, где сочленялись бронеплиты и разворотил дыру там. Второй кумулятивный просто прожёл бронеплиту и выжег автомобиль изнутри. Обе автомашины воспламенились, но покинуть их никто не пытался.

* * *

– Сегодня на трассе Москва – Смоленск примерно в восемнадцать часов тридцать минут, – объявила диктор новостей, – совершено покушение на бывшего вице-премьера правительства России Анатолия Борисовича Чубайса. Автомашина в которой ехал Анатолий Борисович, была взорвана не установленным взрывным устройством и обстреляна из ручных противотанковых гранатомётов, предположительно РПГ-7. Так же из гранатомётов была обстреляна сопровождавшая его автомашина охраны. На месте подрыва работает следственно оперативная группа. Подробности уточняются, но информации о выживших пока не поступало. Напомним, что буквально неделю назад, Анатолий Борисович получил

от президента Ельцина отставку в связи с утратой доверия.

Мамаев слушал тихо звучащий телевизор с открытым ртом.

– Что случилось? – спросила Галина.

Они сидели рядом на диване. Юрий обнимал её левой рукой за плечи, прижимая к себе, а она положила ему голову на левое плечо и крепко сжимала его правую кисть.

– Ты не слушаешь?

– Не-а, – сказала она, счастливо улыбаясь.

– Чубайса взорвали!

– Да и фиг с ним! Туда ему и дорога, приватизатору чёртовому. Ещё бы алкашу этому голову прострелили и всё было бы хорошо.

Юрий удивился кровожадности супруги, а потом вспомнил, как сам говорил эти слова при Галине, когда ещё был живой.

Глава 6.

Они «расписались» сразу, как вернулись из Москвы во Владивосток. Никого не звали, никому не говорили. Расписались и ушли на мамаевском танкере в «круиз из зимы в лето» по маршруту: материковая Малайзия, Сингапур, Индонезийская Суматра и снова Владивосток. Везде танкер стоял не более двух суток, но погулять по магазинам, посмотреть подводный океанариум на Сингапурской Сентосе, побродить по настоящим индонезийским джунглям времени им хватило.

На круиз они потратили почти месяц, зато вернулись во Владивосток довольные, загорелые и родные. Девочки и так его сразу признали отцом, а вот Галине этот месяц, проведённый вместе пошел на пользу. Она оттаяла и льдинки слёз в её глазах исчезли.

Пока они отсутствовали в их квартире был выполнен идеальный ремонт. Он не был сюрпризом для Галины, и только поэтому она не расплакалась от радости, когда увидела, что пол перестелен, стены выровнены и оклеены давно выбранными ими с Юрием обоями, лежавшими второй год на старом шифоньере. Старая мебель убрана и сделаны встроенные шкафы. А потолок украшало натяжное пластиковое небо и новая люстра.

Юрий быстро организовал перевозку их личных вещей из

его холостяцкой «явочной» квартиры и женщины занялись их размещением по новым полкам и ящикам, а сам он с радостью уехал на работу. От отдыха он устал.

С базой флота Мамаев выходил на связь два раза в сутки в течении всего «медового отпуска», поэтому совещание провёл быстро, не размазывая вопросы и особенно не давая размазывать ответы. А то были тут и умельцы забалтывать суть вопроса и «натягивать сову на глобус», преувеличивая трудности в его решении. Поначалу были... Двоих: начальника отдела снабжения и кадровика Мамаев сразу же уволил по несоответствию, остальные впряглись в работу на результат.

Бмрт типа «Сотрудничество» вырабатывают мороженого обесшкуренного филе минтая и кормовой муки по сто пятьдесят тонн в сутки. Суда-перегрузчики курсируют согласно установленным планам загрузки-выгрузки между районом промысла и портами Японии. Всего работает двадцать единиц добывающего флота проекта «Д-1305», остальные десять наши старички. Квоту Охотоморья в размере трёхсот тысяч тонн выберут к апрелю. Однако есть договоренность, согласованная с комитетом по рыболовству о передаче нам квот «Дальморепродуктом». Они со своими квотами не справляются.

Мы с чужими квотами справимся? – спросил Мамаев.

Справимся, если плавбазы не подкачают.

Все три работают?

«Северодонецк» и «Спасск» на промысле. Славянск толь-

ко выходит из ремонта. «Клайпедский берег» когда подойдёт. Не хватает транспортов.

Наш «рефрижератор» идёт вместе с траулерами. Что у нас с кадрами? Подменные экипажи готовы?

Вызвали старых. На письма почти все отреагировали положительно. Проходят медкомиссию, аттестации. Уверена, ещё на четыре БМРТ наберём через месяц.

Значит триста человек? Те четыре судна, что идут из Балтики, придут на промысел к марту?

По плану так, – согласился Гаврилов.

Месяца им хватит себя окупить. Обработчиков сначала учебный центр изучать технологическое оборудование и процесс, а потом на Симушир. Пусть там ждут, заодно поучаствуют в строительстве и отойдут от выпивки. Бюджет сверстали?

Главный экономист, исполняющая обязанности главбуха, пока Галина находится в отпуске без содержания по случаю замужества, положила перед Мамаевым толстую стопку бумаги.

Посмотрю. Сальдо с бульдо сошлись?

Сошлись, Олег Иванович. Очень хорошо сошлись.

Она даже светилась от радости.

Ну и чудненько. Пионерский лагерь готовим к сезону? – спросил он председателя профкома.

Мамаев не стал снимать старика и ставить другого начальника над профсоюзами, а добавил ему в замы двух отно-

сительно молодых и задорных девок, имеющих профкомовский опыт работы.

Готовим. Военные моряки здорово помогают, – сказал он. – И наши рыбачки на безрыбье.

Ну и хорошо. Завтра проедем посмотрим наш «Юный Приморец». Всё на сегодня?

Все промолчали.

Ну и хорошо. Работаем, товарищи! Марина Гавриловна задержитесь.

Все вышли из кабинета, референт осталась сидеть за совещательным столом.

Есть новости?

Вам от губернатора звонили несколько раз. Я вам сообщала... Из вашего «Таёжного» зверосовхоза звонили несколько раз... Рыбу просят.

Рыбу просят, ухи хочут... Их рыба ещё в море плавает. Наберите губернатора.

Они сами обещали сегодня позвонить после обеда.

Ну, пусть звонят сами, – согласился Мамаев. – Как у нас обстановка?

Бодрая. А вы хорошо отдохнули?

Нормально. А вам презент из Сингапура...

Мамаев достал из портфеля набор косметики, блок фруктовой жвачки и блок дамских сигарет «Ротманс».

Полный набор взяточника, – хмыкнула Марина. – Спасибо.

Вы, наверное, к взяткам не привыкли? Секретарём не были раньше...

Почему не привыкла? – обиженно скривила красивые губки Марина. – Начальнику профкома носили ого-го какие подарки.

Ах, да! Санатории, путёвки...

Квартиры, – очень многозначительно произнесла Марина...

Обогатились? – усмехнулся Мамаев.

Куда там, – махнула рукой референт и рассмеялась. – Профком всегда был «для галочки». Распределяли здесь и в парткоме.

Для галочки, говорите. Ну, так, наверное, и должно быть. Чьи деньги, тот и заказывает музыку. Профком должен «рулить» своими деньгами. Если они у него есть, конечно.

После обеда позвонила референт губернатора и соединила Мамаева с Наздратенко.

Сможете подъехать? – после приветствия спросил губернатор.

Если только вечером, Евгений Иванович.

Много дел? Понимаю. Хорошо, потерплю до вечера.

По голосу Мамаев понял, что губернатору приходится действительно терпеть.

Что-то болит? – спросил он.

Что-то стреляет в ногу. В подъём правой ступни. Как ши-

лом. И неожиданно так. Второй день. Врачи говорят, сосудистое что-то, но кроме постоянных обезболивающих, ничего не рекомендуют.

Понятно. Сейчас приеду.

Мамаев собрался и через полчаса парковался у краевой администрации.

Раздевшись и помыв руки, Юрий попросил губернатора разуться, но носки не снимать. Разбираться в первопричинах болевого синдрома Мамаев даже не пытался. Юрий просто подключил свои каналы правой руки к ноге губернатора и ждал пока не произойдёт отключение потока.

Он видел, как его силовые линии растекались по телу пациента наполняя и органы и ткани. Что там творилось дальше, Мамаев даже не пытался понять. Главное, что себя он чувствовал хорошо и сила его не истощалась.

«Всё-таки наполнение чакры Вишуддха праной дало некий положительный эффект», – подумал Мамаев.

Какой эффект, Юрий ещё не понял, но раньше он, хоть и не сильно, но ощущал отток из себя энергии. Она, правда, тут же пополнялась через открытые в тот момент суток центры. Но чаще всего ему не приходилось по настоящему наполнять человека энергией. Такие люди ему пока не попадались. Просто его энергетические потоки толкали внутреннюю энергию пациента, заставляя двигаться в нужном темпе и ритме. Но сила на эту раскрутку всё же требовалась. Энергия и сила, как оказалось, разные субстанции.

Как у вас это получается? – спросил губернатор, удивлённо покачивая головой. – Тот раз поясничную грыжу вылечили за двадцать минут. Я ведь ходил к врачам. Они рентген делали. Руками развели.

Сам не знаю, – откровенно сказал Мамаев. – Суфии в Иране научили сначала себя лечить. Потом только разрешили других. Там и сейчас настоящие лечебницы есть. Говорят, что силой аллаха лечат.

А вы какой силой? – серьёзно посмотрев, чуть прищурив один глаз, спросил Наздратенко.

Бога, конечно.

Какого бога?

Того, чьим именем лечил Христос.

Наздратенко задумался.

Хотел у вас спросить, Олег Иванович... Что вы собираетесь делать с теми судами, что находятся в управлении иных организаций? Не ВБТРФ...

Пока они будут добросовестно платить аренду – пусть пользуются на всех операторах лежит бремя арендных платежей. Как и на фирме «Рыбкомфлот». Там сложная история. Кредиты брала одна фирма, платит другая. Я не уверен, что эти суда останутся у меня. Мы сейчас ведём переговоры с испанскими банками, чтобы они принимали платежи по кредитам от нас.

На самом деле Мамаев здесь врал. Фирма «Берген», бравшая кредиты, и являвшаяся сто процентной «дочкой» «Рыб-

комфлота», по документам и принадлежала ему, и её директором он назначил себя. Симонов передал Мамаеву на неё все юридические права. Но Мамаев это пока не афишировал, а просто, пользуясь документами, договорился с банками о том, что платить по кредитам будет он. Предыдущее руководство «Бергена» ещё не знало, что с декабря девяносто пятого лишено прав подписи. Печати и право-устанавливающие документы были на руках Мамаева.

А они платят?

Платят, но не в полной мере.

Это значит, что не платят, – хмыкнул губернатор.

С какой целью интересуетесь, Евгений Иванович?

Губернатор улыбнулся.

Хотел попросить для Находкинского БАМРА несколько судов. Но если, не, так нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.